

Подальшою перспективою розвитку проблеми є детальне дослідження порівняльного аспекту вікових ритміко-інтонаційних особливостей учнів початкових класів, опис етапів їх комунікативного розвитку, і практичне втілення цих теоретичних досліджень в розробку методики формування ритму і інтонації англійського мовлення на почаковому етапі навчання.

Джерела та література

1. Азимов Э. Г., Шуккин А. Н. Словарь методических терминов // Теория и практика преподавания языков. – СПб.: Златоуст, 1999. – 472 с.
2. Бернштейн С. И. Вопросы обучения произношению (применительно к преподаванию русского языка иностранцам) // Вопросы фонетики и обучение произношению. – М.: Изд-во МГУ, 1975. – С. 5-72
3. Бех П. О., Биркун Л. В., Колтко Н. О. та інші. Удосконалення навчання міжкультурного спілкування англійською мовою учнів молодшого шкільного віку. Методичні рекомендації вчителям англійської мови початкових класів шкіл м. Києва / За ред. Л. В. Биркун. – К.: КНУ, 2006. – 83 с.
4. Завальнюк Л. В. Фразовые акценты в интонационном контуре вопросительности: Дис...канд. педагог. наук: 13.00.02/К., КПИИЯ. 1990. – С. 3-56.
5. Зимняя И. А. Психология обучения иностранным языкам в школе. – М.: Просвещение, 1991. – 222 с.
6. Коло мінова О. О., Роман С. В. Формування англомовної фонетичної компетенції у дітей молодшого шкільного віку // Іноземні мови. – 2006. – № 4. – С. 32-37.
7. Красковська О. Г. Навчання старшокласників загальноосвітніх шкіл моделей комунікативної поведінки британців. Дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02. – К., 2006. – 335 с.
8. Леонтьев А. А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. – М.: Наука, 1969. – 307 с.
9. Леонтьев А. А. Язык, речь, речевая деятельность. – М.: Просвещение, 1969. – 214 с.
10. Методика навчання іноземних мов у середніх навчальних закладах: Підручник. – К.: Ленвіт, 1999. – 320 с.
11. Основы методики преподавания иностранных языков / Под. ред. В. А. Бухбиндера, В. Штрауса. – К.: Вища школа, 1986. – 336 с.
12. Пассов Е. И. Урок иностранного языка в средней школе. – М.: Просвещение, 1988. – 221.
13. Светозарова Н. Д. Интонационная система русского языка. Монография. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1982. – 175 с.
14. Стеченко Т. О. Формування у майбутніх учителів усномовленої англомовної граматичної компетенції на соціокультурному матеріалі // Іноземні мови. – 2005. – № 3. – С. 32-35.
15. Сучасні технології навчання іноземного спілкування / С. Ю. Ніколаєва, Г. А. Гринюк, Т. І. Олійник та ін. – К.: Ленвіт, 1997. – 96 с.
16. Шабдаш Г. А. Особенности ритмической структуры английской речи // Исследования фонетических особенностей речевых стилей / Под ред. проф. В. Д. Аракина. – М., 1979. – С. 25-31.
17. Brown G. Listening to Spoken English. – 2nd ed. – Longman. – 1990. – 172 p.

Попова Т. Н.

ИМЕНА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ С СУФФИКСОМ –СТВО В РУССКИХ НАРОДНЫХ ГОВОРАХ

Преследуя цель исследования важнейших теоретических проблем русского диалектного словопроизводства в сопоставлении со словообразовательной системой литературного языка, необходимо выяснить вопрос о статусе и специфике генетически разнородных формантов. В современной научной литературе интерес к проблемам диалектной морфемики и словообразования достаточно высок (см. работы А. С. Герда, Л. В. Сахарного, В. И. Максимова, В. М. Маркова, М. В. Сыромли, Е. Н. Шабровой и др.), однако в указанном аспекте исследования не проводилось. Для достижения поставленной цели необходим скрупулезный анализ так называемых «славяно-книжных» формантов, проникающих в процесс диалектного словопроизводства. Среди них высокую степень активности проявляет суффикс *-ство*. Продуктивность данной модели, как и суффиксальных моделей на *-ость*, *-ствие*, *-тель*, *-ние*, *-тие*, *-ение*, *-изна*, неожиданна в сфере диалектного словообразования в силу многовековой стилистической связанности со сферой книжно-письменной традиции. Однако материалами СРНГ и его картотеки зафиксировано 550 имен на *-ство* (в том числе 14 с огласовкой суффикса *-сьво*, 14 *-сво*), распространившихся в разных группах русских говоров, имеющих как именную, так и глагольную соотнесенность.

Диалекты широко иллюстрируют, в первую очередь, образования на основе имен с нулевой суффиксацией или других приглагольных имен, ср.: *гадство* – ‘низость, подлость’; *глупство* – ‘глупость’; *болванство* – ‘глупость’, *канительство* (←*канитель* – беспорядок, неразбериха) – ‘проволочка времени’ (Вят., 1915); *гадство* – ‘низость, подлость’, *болванство* – ‘глупость’; *необрядство* (←*необрядный*) – ‘неопрятность, грязь’; *нерадейство* (←*нерадельный*) – ‘отсутствие старательности, нерадивость’; *неприятство* (←*неприятный*) – ‘неприятность’; *богатество* (←*богатый*) – ‘богатство’; *дороднество* (←*дородный*) – ‘дородность’ и др.

В литературном языке глагольная мотивация субстантивов на *-ство* вторична. По мере усиления глагольности в литературном языке аналогичный процесс протекает и в диалектах. Здесь также имена на *-ство*, уже как *nomina actionis*, начинают обозначать действие и устанавливать соотнесенность с глаголом, ср.: *большеводство* – ‘управление домом, хозяйством’; *бранство* – ‘получение, сбор долгов, денег’, *нерповство* (←*нерповать*) – ‘охота на нерпу, тюленя’ (Арх.); *капризанство* (←*капризанишь*) – ‘капризы’ (Пск., 1919-1934); *каюрство* (←*каюрь*) – ‘повинность у местных жителей – возить на собаках’ (Сиб., Камч); *кержачество* (←*кержачить*) – ‘старобрядство’ (Печор.); *гулянство* (←*гулянишь*) – ‘праздничное гуляние на улице с песнями, танцами’.

Обратная соотнесенность как следствие исторического развития глагольно-именных отношений отражена и в диалектном материале, а именно в именах на *-ство*, соотнесенных с глаголами на *-ствовать*, ср.: *бе́дство* – ‘бедность, нужда’. Исет. Перм., 1923 (бедствоваться – ‘нуждаться, бедствовать’); *де́вство* – ‘шалость, дурачество, блажь’. Пск., 1855 (1. девствовать – ‘шалить’ Пск., 1855); *компа́нство* – ‘приятельская беседа’ Яросл., Слов. Акад. 1912. Балаш. Саратов. (*компа́нствовать* – ‘развлекаться; наслаждаться’) и др. Показательно при этом, что «значение действия закрепляется соотнесенностью образования на *-ство* с глаголом на *-ствовать* по типу обратных словообразовательных отношений» [1, с. 148], что также подтверждает действие исторических общезыковых тенденций в системе диалектного словопроизводства.

В говорах представлен широкий спектр словообразовательных значений. Доминирующим является значение отвлеченного признака (*nomina abstracta*), передаваемое, как правило, отыменными производными, ср.: *бели́льство* – Фольк. ‘белизна, белый цвет’ Арх., 1907; *белоство* – Фольк. ‘белизна’ Арх., 1895; *бельство* –

‘белизна’ Шейн, 1907; *бессты'жество* – ‘бесстыдство, неблагопристойность’ Слов. Акад., 1895. Пск., Смол., 1902-1904; *благо'рство* – ‘благородство’ Калуж., 1896; *доро'динство* – ‘дородность’ Олон.; *доро'днество* – ‘дородство’ Арх., 1895; *колоты'рство* – ‘скупость, скарденность’ Ярослав., 1849; *комеди'йство* – ‘притворство’ Саратов.; *кри'вство* – ‘обман, ложь, хитрость’ Осташк. Твер., Пск., 1855; *легостай'ство* – ‘расточительность’ Волог., 1883 – 1889; *лени'вство* – ‘лень’ Слов. Акад. 1847. ‘тунеядство, праздношатательство’ Даль [без указ. места]; Смол., 1914); *нахра'тство* – ‘Неприятность; пакость, гадость’ Тобол., 1858; *неаккура'тство* – ‘неосторожность’ Влад., 1910. Тамб., Пск. Сов. Акад. 1932 [с пометой «обл.»]; *небога'тейство* – ‘бедность’ Пск., 1910; *небога'чество* – ‘то же, что небогатство’ Ворон., 1851.; *недоро'днество* – Фольк. ‘отсутствие дородности’ Арх., 1895; *незло'бство* – ‘кротость, смирение’ Даль [без указ. места], Пск., 1910; *необря'дство* – ‘неопрятность, грязь’ Том., 1964; *неприя'тство* – 1. Неприятность. *И дела, и неприятства*. Моск., 1905-1921. Верхнелен. 2. Нерасположение, недоброжелательное отношение. Даль [без указ. места]. 3. Вражда; злонамеренность. Даль [без указ. места].

Кроме того, в говорах широко представлено значение процесса (*nomina actionis*) как среди отглагольных, так и отыменных производных, ср.: *гуля'вство* – ‘бездельничанье, праздность, лентяйство’ Нижегород., Даль; *гульта'йство* – ‘бездельничанье, праздность, лентяйничанье’ Смол., Пск.; *го'пничество* – ‘воровство’ Ленингр.; *баловство* – ‘разгульная жизнь, кутеж, воровство’ Смол., 1914. Сев. Двин., Моск., 1903, Костром., 1905 – 1921; *дубоши'рство* – ‘дебоширство’ Тамб., Моск., 1910; *душескре'бство* – ‘излишне тщательное обдумывание своих поступков, копание в душе’ Моск.; *коле'сничество* – ‘изготовление тележных колес; колесный промысел’ Вят., Слов. Акад. 1911; *колобо'йство* – ‘мученье, маята’ Даль [без указ. места]. Слов. Акад. 1911 [с пометой «обл.»]; *ла'потничество* – ‘ремесло плетения лаптей’ Вят., 1896; *напу'тство* – ‘у верующих – напутственное благословение’ Пск., Твер., 1855. (← напу'тить, – ‘1. Указать дорогу; 2. Научить, наставить на путь’; *нерпо'вство* – ‘то же, что нерповка – охота на нерп. (тюленей)’ Бурят. АССР, 1970; *облыга'тельство* – ‘лжесвидетельство; ложь’ Перм., 1895 (← облыгать – ‘обманывать’) Твер., 1896; и мн. др.

Отыменные производные: *коро'вство* – уход за коровами. Пск., Твер., 1855; *короде'рство* – ‘промысел кородеров’ Олон., 1905; *кошмова'льство* – ‘промысел кошмовалов – изготовление войлоков, кошм’ Нижегород., Слов. Акад. 1914; *ла'борство* – ‘занятие, промысел лаборей (крестьян, собирающих милостыню на церковные нужды)’ Зап., Юго-зап., Слов. Акад. 1930; *лашма'нство* – ‘отбывание государственной повинности по заготовке и возке корабельного леса государственными крестьянами – лашманами’ Вят., 1907.

В меньшей степени представлены производные с суффиксом *-ство*, передающие значение собирательности, ср.: *бегун'ство* – ‘религиозная старообрядческая секта бегунов’ Влад., 1909; *досу'жество* – ‘изделия, приготовленные в свободное время, на досуге’ Саратов.; *драгоце'нство* – собир. ‘драгоценности’ Смол., 1914; *купе'цтво* – ‘купчество’ Даль [без указ. места], Том., 1964; *насле'дство* – ‘потомство, потомки’ Арх., 1959; *оголе'чество* – ‘беднота, голь’ Пск., и др.

В диалектах прослеживается тенденция к конкретизации значений: *батрако'вство* – ‘заработок на батрацкой работе’ Пск., Смол., 1902-1918; *грошо'вничество* – ‘дешевая плата за труд’ Урал., 1930; *дома'ство* – ‘домашнее хозяйство’ Самар., 1912; *дома'шество* – ‘домашнее хозяйство’ Поволж., 1858, Калуж., Твер., Пск., Смол., Енис.; *крестья'нство* и *кресья'нство* – ‘домашнее хозяйство крестьянина’ Олон., Моск.; *куи'ство* – ‘еда, кушанье’ Смол., 1890, и др.

Влиянием литературного языка и книжно – письменной традиции можно объяснить появление диалектных композитов для передачи более интенсивного проявления того или иного значения, ср.: *доброче'йство* – ‘доброжелательность, добродетельность’ Арх., 1939 – 1941; *конопа'сство* – ‘пастыба лошадей ночью; ночное’ Ярослав., Слов. Акад. 1912; *доброра'дство* – ‘доброжелательство, доброхотство’ Арх., 1858; *кроволи'тство* – Фольк. ‘кровопролитие, кровавые массовые убийства’ Самар., 1862., Арх.

Интересен живой переход значений от абстрактного к конкретному, отмеченный в разных сибирских говорах. Так, например, слово *обихо'дство* встречается и в значении качества, и в значении процесса, и в конкретно-предметном значении, ср: 1. Предметы домашнего быта, хозяйства. Даль [без указ. места]. 2. Заботы по хозяйству; поддержание в доме чистоты и порядка. Иркут., 1852. Новосибир. 3. Опрятность, аккуратность. Даль [без указ. места]. 4. Скопидомство; скарденность. Новосибир., 1970.

Широкий семантический спектр имен на *-ство* в диалектах может быть связан с историей становления данного СТ с русским языком. Как отмечает Г. А. Николаев, в истории языка «... именная основа, имевшая синкретический субстантивно-адекативный характер, соединяясь с суффиксом *-ство*, давала образования со значением качества, состояния, которые <...> в силу синкретичности семантики древнего слова, а также образа мышления древних носителей языка не были строго противопоставлены конкретно-предметным значениям» [1, с. 54].

Анализируемые субстантивы в диалектах склонны к возникновению внутриспособной словообразовательной синонимии: *бели'льство* / *белоство* / *бельство* – ‘белизна, белый цвет’; *небога'тейство* / *небога'чество* – ‘бедность’; *неудово'льствие* / *неудово'льство* – ‘неудовольство’; *доро'динство* / *доро'дствие* / *доро'дчество* – ‘дородность’ и др. Наличие подобной синонимии позволяет судить, во-первых, об освоенности форманта в диалектном словопроизводстве, во-вторых, о процессе продолжающегося словообразовательного поиска в выражении имен абстракции – процессе, завершившемся в языке литературном, но еще протекающем в диалектах. Кроме того, в словообразовательной синонимии можно видеть и обогащение диалектного языка, и выражение экспрессии, и освоенность словообразовательного инвентаря.

О независимости выбора словообразовательных средств говорит и сопоставление с литературным языком, при котором прослеживается мена формантов, ср.: *дородинство* (в ЛЯ *дородн-ость*); *достачество* (в ЛЯ *достат-ок*); *драгоценство* (в ЛЯ *драгоцен-ость*); *кроволи'тство* (в ЛЯ *кровопролит-ие*); *куи'ство* (в ЛЯ *куша-ние*); *лени'вство* (в ЛЯ *лень-Ø*); *напут'ство* (в ЛЯ *напут-ствие*); *неаккуратство* (в ЛЯ *неаккуратн-ость*); *неприятство* (в ЛЯ *неприятн-ость*); *обманство* (в ЛЯ *обман-Ø*); *обручество* (в ЛЯ *обруч-ение*) и т. д. Данное наблюдение наводит на мысль, что если бы имена на *-ство* являлись только заимствованиями из

литературного языка, то отмечалось бы копирование структуры, а говоры свободно обращаются с суффиксами для выражения того или иного словообразовательного значения.

Следует отметить тот факт, что в диалектном словопроизводстве наблюдается широта словообразовательных связей. Такие слова, как *белильство*, *белоство*, *белодийство*, *конопасство*, *коровство*, *кородерство*, *необрядство* и др. отсутствуют в литературном языке, а значит, являются свидетельством богатого потенциала, незамкнутости деривационных контактов в диалектном словопроизводстве.

Кроме того, необходимо отметить, что в диалектах наблюдается наличие как общенародных (например, *бегунство* ← *бегун*, *бедство* ← *беда*, *драгоценство* ← *драгоценный*, *колдунство* ← *колдун*, *неаккуратство* ← *неаккуратный*), так и собственно диалектных производящих основ (например, *безульство* – ‘шалости, баловство’ ← *безулиться* – ‘шалить, баловаться, дурачиться. Смол., 1914; *бергальство* – ‘горнозаводская работа’ ← *бергáл* – ‘горнозаводский рабочий’ Том., 1930; *грабарство* – ‘работа землекопа’ ← *грабар* – ‘землекоп’, *нерповство* – ‘охота на нерп (тюленей)’ ← *нерповать* – ‘охотиться на нерпу (тюленя)’, *лашманство* – ‘отбывание государственной повинности по заготовке и возке корабельного леса государственными крестьянами — лашманами’ ← *лашман* – ‘государственный крестьянин, занимающийся заготовкой, обработкой и доставкой к месту сплава корабельного леса’ и мн. др.). При этом в количественном плане равным образом активны общенародные и диалектные основы; это может означать, что они функционируют как равноценные, равнозначные. Производность от чисто диалектных основ ярче всего свидетельствует в пользу исконности дериватов в говорах. Это подтверждается и наличием фонеморфем *-сво*, *-сво* (ср.: *страмосьво*, *сиротесьво*, *плотнисво*, *мальсьво* и т. п.).

Показательно и сопоставление диалектного и древнерусского материала, поскольку некоторые лексемы, отсутствуя в современном русском литературном языке, сохранились в говорах в тех же значениях, ср. древнерусск.: *благородство*, *десятьство*, *добродьньство*, *доброродство*, *довьяльство*, *дородство*, *досужьство*, *количество*, *купьчьество*, *насилство* – *своеволие*, *притеснение*, *незъллобимнньство*, *нерадьство* – *небрежение* [5].

Данный факт – доказательство того, что диалекты являются и в плане словообразования своеобразной консервацией древнерусских тенденций: можно полагать, что не только влияние славно – книжной языковой стихии, но и сохранение древнерусских и старорусских производных послужило последующему укреплению модели на *-ство* в диалектном словопроизводстве. Это является и свидетельством богатого потенциала, который реализуется в говорах, но не может реализоваться в литературном языке в силу нормированности и завершенности процесса оформления словообразовательных значений и моделей.

Проведенное исследование позволяет утверждать, что в диалектах спектр словообразовательных значений имен на *-ство* значительно шире, чем в литературном языке. Здесь мы наблюдаем и значение отвлеченного признака (*nomina abstracta*), и значение процесса (*nomina actionis*), и стремление к конкретизации значений, и собирательное значение. Рассматривая собирательное значение, необходимо обратить внимание на то, что положение словообразовательной категории собирательности в современном языке своеобразно. Эта категория не имеет нейтральных средств выражения, обнаруживающих активность. Суффикс *-ство*, который мог бы претендовать на роль лидера в этой категории, слишком обременен значениями и угасает. Лишь старые производные типа *офицерство*, *учительство* имеют собирательное значение. Новообразований со значением собирательности этот суффикс не дает. Он проявляет некоторую активность лишь для выражения значения «отвлеченный признак». Таким образом, словообразовательное значение собирательности обнаруживает в современном литературном языке лишь небольшую активность, пользуясь средствами, лишенными нейтральности. Но не в говорах, поскольку здесь еще не завершены те тенденции, которые оформились в литературном языке.

Итак, в диалектном словопроизводстве наблюдается широта словообразовательных связей, незамкнутость деривационных контактов. Так, например, процессы формирования словообразовательных моделей со значением абстрактности уже завершены в литературном языке, а в говорах они еще в стадии становления, поиска.

Источники и литература

1. Николаев Г. А. Очерки по историческому словообразованию русского языка. PETERLANG: Frankfurt am Main, 1994. 252 с.
2. Попова Т. Н. К вопросу о суффиксальном словообразовании в русских говорах // Ученые записки Казанского государственного университета. Т. 1 43. – Казань: Изд-во Каз. ун-та, 2002. – С. 198-203.
3. Попова Т. Н. Книжно-славянские словообразовательные модели в русском диалектном языке // Избранные вопросы русского языка и лингводидактики/под ред. М. Вуйтовича, Е. Калишана, В. Возьневича. – Познань, 2002. – С.153-159.
4. Словарь русских народных говоров. Вып. 1-40. – М.–Л.: Наука, 1965-2007.
5. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. В 3 т. – Москва: Знак, 2003.

Присяжнюк О. Я.

PHONETICAL AND LEXICAL PECULIARITIES OF SCOTTISH ENGLISH

Scottish English has its own normalized literary form and a rich literary heritage which permit it to be regarded as a generally acceptable variant of the English language alongside southern educated English or Standard British English, and such other widely recognized variants as American English and Australian English [4].

So, the **aim** of the given article is to reveal the phonetical and lexical peculiarities of the English language in Scotland. First of all, it is necessary to take a brief look at the historical and linguistic background of the development of English in this part of the world.

Scotland has area of 30,000 sq. miles with population of just over five million. Scotland is old Celtic territory and the ancestors of the modern Scots were Celtic-speaking. The overwhelming majority of the inhabitants of Scotland today speak English and the original Celtic language of Scotland (known as Scottish Gaelic) has more-or-less died out, it is practically extinct except for surviving pockets of speakers in some coastal fishing villages and on the Orkney and